

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Перо и чернильница

Кто-то сказал однажды, глядя на чернильницу, стоявшую на письменном столе, в кабинете поэта: «Удивительно, чего-чего только ни выходит из этой чернильницы!.. А что-то первое выйдет из неё теперь?.. Да, поистине удивительно!»

— Именно! Это просто непостижимо! Я сама всегда это говорила! — обратилась чернильница к гусиному перу и другим предметам на столе, которые могли её слышать. — Замечательно, чего только ни выходит из меня! Просто невероятно даже! Я и сама, право, не знаю, что первое выйдет, когда человек опять начнёт черпать у меня! Одной моей капли достаточно, чтобы исписать полстраницы, и чего-чего только ни уместится на ней! Да, я нечто замечательное! Из меня выходят всевозможные поэтические творения! Все эти живые люди, которых узнаю другие, эти искренние чувства, юмор, дивные описания природы!.. Я и сама не возьму в толк, — я, ведь, совсем не знаю природы — как всё это вмещается во мне? Однако же, это так! Из меня вышли и выходят все эти воздушные, грациозные девичьи образы, отважные рыцари на фыркающих конях, и кто там ещё?.. Уверяю вас, всё это я выпускаю из себя просто бессознательно!

— Конечно! — сказала гусиное перо. — Если бы вы отнеслись к делу сознательно, вы бы поняли, что вы только сосуд с жидкостью. Вы смачиваете меня, чтобы я могло высказать и выложить на бумагу то, что ношу в себе! Пишет перо! В этом не сомневается ни единый человек, а полагаю, что большинство людей понимают в поэзии не меньше старой чернильницы!

— Мало же вы опытни! — возразила чернильница. — Вы состоите на службе всего неделю и уж почти совсем износились. Так вы воображаете, что это вы творите? Вы только слуга, и много вас у меня перебывало — и гусиных и английских стальных! Да, я отлично знакома и с гусиными перьями и со стальными! И много вас ещё перебывает у меня в услужении, пока человек будет продолжать записывать то, что почерпает из меня!

– Чернильная бочка! – сказала перо.

Поздно вечером вернулся домой поэт; он пришёл с концерта скрипача-виртуоза и весь был ещё под впечатлением его бесподобной игры. В инструменте виртуоза, казалось, был неисчерпаемый источник звуков: то как будто катились, звеня, словно жемчужины, капли воды, то щебетали птички, то ревела буря в сосновом бору... Поэту чудилось, что он слышит плач собственного сердца, выливавшийся в мелодии, похожей на гармоничный женский голос; звучали, казалось, не только струны скрипки, но и все её составные части. Удивительно, необычайно! Трудна была задача скрипача, и всё же искусство его смотрело игрою, смычок словно сам порхал по струнам; всякий, казалось, мог сделать то же самое. Скрипка пела сама собою, смычок играл сам собою, вся суть как будто была в них, мастер же, управлявший ими, влагавший в них жизнь и душу, забывался. Но не забыл о нём поэт и написал вот что:

«Как безрассудно было бы со стороны смычка и скрипки кичиться своим искусством. А как часто делаем это мы люди, поэты, художники, учёные, изобретатели, полководцы! Мы кичимся, а, ведь, все мы – только инструменты в руках Создателя. Ему одному честь и хвала! А нам гордиться нечем!»

Так вот что написал поэт и озаглавил свою притчу «Виртуоз и инструмент».

– Что, дождались, сударыня? – сказала перо чернильнице, когда они остались одни. – Слышали, как он прочёл вслух то, что я написало?

– То-есть то, что вы извлекли из меня! – сказала чернильница.

– Вы вполне заслужили этот щелчок своею спесью! А вы-то и не понимаете, что над вами посмеялись! Я дала вам этот щелчок из собственного нутра. Уж позвольте мне узнать свою собственную сатиру!

– Чернильная душа! – сказала перо.

– Гусь лапчатый! – ответила чернильница.

И каждый сознавал, что ответил хорошо, а такое сознание вещь хорошая; с таким сознанием можно спать спокойно, они и заснули. Но поэт не спал; мысли волновались в нём, как звуки скрипки, катились жемчужинами, шумели, как буря в лесу, и он

слышал в них голос собственного сердца, чуял проявление Самого Творца...

Ему одному честь и хвала!

